

З

В. Ваганян

636

Лит. 490

В-124

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Из фондов Российской национальной библиотеки

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

В. Ваганян

Р.П.Б.
1925

3
~~636~~ В 12

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

Из фондов Российской национальной библиотеки

Дом Плеханова
№ 50-1218/10x

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ♦ 1924

№ 2278

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	5
Введение	7
Глава I. От народничества к марксизму	21
„ II. Плеханов и группа „Осв. Труда.“	60
„ III. Группа „Осв. Труда“	96
„ IV. Социализм и политическая борьба:	
а. Общие замечания	138
б. Условия успешного ведения борьбы за социализм; формы организации политической борьбы пролетариата	154
в. Гегемония пролетариата в буржуазной революции	180
г. Пролетариат и либеральная буржуазная	201
д. Пролетариат и мелко-буржуазная демократия	235
„ V. Конечные цели движения пролетариата:	
а. Борьба с народничеством и вопрос о конечной цели	253
б. Борьба с ревизионизмом	277
в. Борьба с т. н. „дегалльным марксизмом“	
г. Борьба с экономизмом	320
д. В каких пределах терпимы разногласия внутри партии	340
е. Программа II съезда и вопрос о конечных целях	348
ж. Судьба демократии в переходную эпоху	365
з. Роль насилия в борьбе за конечные цели и террор	371
„ VI. Об улыбке Авгура	392
„ VII. В эпоху первой революции:	
а. Плеханов делается меньшевиком	435
б. Плеханов—меньшевик	479
„ VIII. Борьба с ликвидаторством	526
„ IX. Плеханов во II Интернационале	618
„ X. Война и вторая революция	657

Глава III.

Группа „Освобождение Труда“.

I.

Писать историю группы „Освобождение Труда“ не входит в мою задачу.

Но два десятилетия существования ее так тесно связаны с личностью и деятельностью Г. В. Плеханова, что не пытаться хотя бы в основных чертах проследить судьбу и деятельность этой знаменитой организации означает лишить себя возможности иметь правильное представление о деятельности Плеханова.

Прежде всего, что представляла собой группа? Была ли она центральным руководящим ядром существующей или будущей партии, или это была коллегия единомышленников, имеющая целью пропаганду определенных воззрений.

Важно себе уяснить этот вопрос, ибо многие из дальнейших столкновений молодых с группой обусловлены в значительной мере ошибочным решением этого вопроса.

Если бы группа „Осв. Тр.“ смотрела на себя, как на руководящий центр, то историку не стоило бы особого труда доказать, что члены группы действовали крайне вяло, что они допустили ряд совершенно непростительных организационных ошибок и т. д.,—упреки, которые сыпались на группу со стороны ранних историков партии. Но в том-то и все дело, что группа превосходно сознавала и невозможность, и неосуществимость подобных заданий. Она на эту роль не претендовала.

Если бы группа хотела превратиться в организацию „для действия“—она должна была бы непрерывно набирать новых членов из числа распропагандированных, направлять их в Россию, создавать организации и объединять их вокруг себя. С этой точки зрения были бы совершенно правы те „молодые“, которые постоянно жаловались на совершенно невозможные условия работы с группой

„Осв. Тр.“: организация не увеличивалась, новых отделов не открывала, группа никого не собирала на конференции и смотрела очень подозрительно на новообращенных, особенно Плеханов, на которого особенно часто и особенно настойчиво жаловались.

Но и это не верно; группа себе не ставила и этих задач.

Она хотела быть и была группой крепко спаянных, идейно солидарных революционеров, которые ставили себе задачу пропаганды научного социализма. Они хотели подготовить вокруг себя последователей, на которых и должна была лежать забота организационного строительства партии. С другой стороны, они хорошо знали, что в России из рабочей среды идет попутное течение, которому необходимо последовательно классовое воззрение,—группа и разрабатывала самую основу мировоззрения этого пока еще непоследовательного и колеблющегося, но чисто-пролетарского почвенного движения. Мое утверждение отнюдь не следует толковать в том смысле, будто Плеханову и его товарищам не хотелось вести организационную работу. Они, как бывшие народники, вероятно, очень тяготились необходимостью ограничиться пропагандистской работой. Но это было неизбежно на более или менее долгое время, и члены группы были бы неисправимыми утопистами, ежели бы не сообразовали свои задачи со своими силами и возможностями.

Те неоднократные конфликты, которые происходили между группой и молодежью, были почти всегда вызваны тем, что „молодые“ не понимали этого своеобразия положения группы „Освобождение Труда“.

Но прежде чем перейти к рассмотрению этих конфликтов, следует заметить, что очень многими историками считается как бы за некоторое умаление значения деятельности группы „Осв. Тр.“ признание того факта, что параллельно с возникновением и развитием марксизма в его столь чистом и последовательном виде, независимо от него, шло развитие марксизма с разных сторон в самой стране. В. И. Невский совершенно прав, отмечая в своей „Истории“ неоднократно такое „самопроизвольное“ возникновение внутри страны таких очагов марксизма, как совершенно прав он и тогда, когда находит, что в этом факте нет ничего, что умаляло бы хотя скольнибудь роль и значение группы.

Сравнивая концепции этих самобытных кружков с первой же брошюрой группы „Осв. Тр.“, нетрудно видеть всю неизбежность того, что подобные самозарождения должны были прекратиться в момент проникновения в рабочую среду литературы группы.

На что указывали непрерывно возникающие в разных концах России более или менее пропитанные марксизмом концепции? На тот

совершенно несомненный факт, что идеология группы „Осв. Тр.“ не была идеологией группы затерявшихся где-то в эмиграции интеллигентов, а что она соответствовала реально существующим общественным отношениям и отвечала потребностям, по крайней мере, передового отряда рабочего класса.

Но тем самым и объясняется, почему проникновение литературы группы „Осв. Тр.“ в рабочую массу, в передовые интеллигентские круги должно было раз навсегда устранить независимо возникающий марксизм, потому что она (литература группы), как лучше всего выражавшая точку зрения пролетариата, как последовательнее и всестороннее всего освещавшая и все противоречия современности, как лучше всего раскрывающая перспективы борьбы пролетариата, сама становилась программой действующих групп, центром собирания сил, формирования организаций, давала лучшие аргументы в борьбе с противниками.

Но литературу нужно было издавать, изданное—распространять в России. А это была трудная задача и требовала огромных сил и средств.

С самого же начала в группе было проведено естественным путем разделение труда, целесообразность которого особенно остро почувствовалась тогда, когда вмешательством германской полиции оно было нарушено самым грубым образом.

И Л. Г. Дейч и П. Б. Аксельрод дают одну и ту же картину распределения функций между членами группы:

„Я и отчасти Финстер являлись среди членов нашей группы практиками, организаторами, подобно тому, как Плеханов да отчасти Аксельрод были ее теоретиками, редакторами. Насколько это было тогда возможно, я стремился создать в России рабочую организацию, для чего „после некоторой подготовки почвы“ намеревался отправиться туда, о чем заранее сообщил моим друзьям. Признавая целесообразность этого плана, Георгий Валентинович высказывал лишь опасение, чтобы я не провалился, почему советовал не торопиться с отъездом“¹⁾,—рассказывает Л. Г. Дейч. То же самое свидетельствует П. Б. Аксельрод во второй части своих воспоминаний: „На плечах Л. Дейча лежали все материальные и административные заботы, связанные с существованием группы. С неистощимой энергией он завязывал знакомства, которые могли бы в каком бы то ни было отношении оказаться полезными для нас, изыскивал финансовые источники, возился с типографией, вел переписку с различными го-

¹⁾ Группа „Освобождение Труда“. Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча, сборник I, стр. 48. Слова Л. Г. следует толковать как пожелание, ибо это „стремление“—увы!—осталось лишь стремлением.

родами, где была русская революционно настроенная молодежь, заведывал распространением наших изданий,—вообще вел всю административную работу группы. Через него шла также вся деловая переписка между мной и женевскими товарищами“¹⁾.

Разделение труда было крайне целесообразно: Л. Г. Дейч прекрасно справлялся со своей задачей и даже мечтал приступить к организации рабочих ячеек в России; со своей стороны теоретики не менее успешно справлялись со своей.

Плеханов не ограничивался только писанием брошюр и статей—он предпринял первое лекционное турне по швейцарским колониям, которое повсюду проходило с большим успехом. В январе 1884 г. Дейч пишет Аксельроду: „Жорж прочел здесь три реферата (в продолжение 4-х дней) о „Земле и Воле“, которые произвели полный фурор, публика в восторге, повсюду только о нем и разговора. Словом, в моральном и идейном отношении наша группа начинает завоевывать почву и в Женеве. На рефераты приходил и Драгоманов, не преминувший задавать ехидные вопросы, на которые Жорж отвечал очень сдержанно, спокойно и мирно, чем вполне заставлял Драгоманова конфузиться. Впрочем, подробности узнаешь от Жоржа, который в конце этой или на следующей неделе поедет к вам, раз только будут деньги“²⁾.

Плеханов действительно несколько позже побывал с лекциями в других городах Швейцарии (Берн, Цюрих), о чем свидетельствуют в своих воспоминаниях и Дейч³⁾, и Ингерман⁴⁾. В течение ближайшего года возникли кружки, сочувствующие группе „Осв. Тр.“ в Цюрихе, в Берне. Нельзя сказать, чтобы отношение эмиграции к вновь образовавшейся группе и ее деятельности было особенно сочувственное. Разумеется, отдельные выступления могли пройти более или менее удачно, с большим или меньшим успехом, но как общее правило следует признать, что в эмиграции существовало крайне

¹⁾ Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 85.

²⁾ Гр. „Осв. Тр.“. Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Г. Дейча, сб. I, стр. 192—193.

³⁾ „Между тем Плеханов, одержав немало блестящих побед в Женеве, направился наконец, в турне по Швейцарии. Он побывал в Берне и Цюрихе, где имел столь же колоссальный успех, как и в Женеве“... „Я должен еще отметить, что, насколько могу припомнить, это турне было чуть ли не первым в то время,—до этого никто другой не предпринимал поездок в другие города с лекциями. Потом, как известно, такие посещения иногородних стали обычным приемом за границей и имели огромное влияние на развитие нашего революционного движения, в особенности после возникновения (в 1901 году) знаменитой „Искры“ (Группа „Осв. Тр.“. Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча, сб. I, стр. 34).

⁴⁾ „Заря“ № 5—6 за 1923 г.

враждебно к группе отношение. До какой степени это было так, можно судить по тому что Л. И. Аксельрод, приехав в Цюрих в 1889 году, застала там следующую еще картину: „Возникшая в 1883 г. группа „Освобождение Труда“, успевшая в продолжение шестилетнего энергичного своего существования сделать чрезвычайно много для развития и выяснения своих идей, не пользовалась популярностью. Наоборот, общее отношение к этой новой революционной организации, к ее программе и тактике было отрицательное до последней степени“¹⁾). Именно таково было отношение к группе с первых же дней ее возникновения, при чем более или менее „мирная“ вражда со временем и в процессе борьбы принимала воинственный оттенок, что и отмечает не без некоторого юмора Л. И. Аксельрод в своих воспоминаниях.

Ингерман также свидетельствует о существовавшей тогда атмосфере недоверия и вражды к группе среди народничающей интеллигенции.

Как шла транспортировка литературы? Нужно полагать, крайне неинтенсивно, во всяком случае, Л. Г. Дейч, который тогда и ведал делом распространения изданий группы, рассказывает об очень малом. В марте 1884 года, он сам был вынужден взять на себя переправу литературы через швейцарско-германскую границу, где 9 марта его арестовали, засадили в фрейбургскую тюрьму, а затем передали царскому правительству, как уголовного преступника. Какой был это тяжелый удар для группы, можно судить по вышеприведенным словам Аксельрода.

Самое главное несчастье было, разумеется, в том, что с арестом Дейча у группы уходил единственный человек, который мог быть ее представителем и хозяином практических предприятий ее. С его уходом на много задержалась переправка литературы, значительно ухудшилось материальное положение. Заменивший его Гринфест мало помог делу, ибо к нему не было того доверия, как к Дейчу.

Успела ли группа все-таки переправить что-либо в Россию? Имели ли ее идеи отклик внутри России? Имели, разумеется, на что особенно указывают два документа, чрезвычайно интересные в том смысле, что они содержат непосредственные ссылки на извещение об издании Библиотеки Соврем. Социализма. Я говорю о „Письме“, которое упоминает в своей „Истории Р.К.П.“ товарищ В. И. Невский. В этом „Письме“ не только имеются упоминания об „Извещении“, но и ссылки на статью Плеханова „Социализм и политическая борьба“. Но кроме этого письма нам пришлось читать брошюру-листочку

¹⁾ „Под Знаменем Марксизма“ № 5—6 за 1922 г., стр. 78.

некоего народника Алексеева „Несколько слов о прошлом русского социализма и задачах интеллигенции“ (Петербург, ноябрь 1883 г., типогр. гр. народников, стр. 28), где имеется упоминание об „Известии“.

Обе брошюры (Письмо и статья Алексеева) написаны в конце 1883 г. Следовательно, в это время брошюры эти читались и обсуждались в рабочих и интеллигентских народнических ячейках. Это знаменательно, мимо этого факта нельзя пройти. Совершенно несомненно, что издания этой группы проникли в Россию в гораздо большем количестве, чем удавалось транспортировать непосредственно самой группе. Попадали нередко брошюры группы в Россию и через народников, которые не могли не читать и обсуждать эту последнюю революционную новинку. Во всяком случае, не единичное было явление среди действующих революционных кружков эти брошюры: их знали, их читали, вокруг них велись жестокие споры уже в конце 1883 г. в нелегальных кружках.

2.

Были ли они известны тем кружкам рабочих и тем уже наполовину отошедшим от народничества к марксизму ячейкам интеллигенции, которые к тому времени уже народились? Несомненно.

Я полагаю, не было бы ошибкой думать, что и Благоеву были знакомы эти издания; хотя у меня нет основания оспаривать установившееся воззрение, что Благоевская эволюция к учению Маркса началась независимо от литературы группы „Осв. Тр.“, тем не менее не будет большой ошибкой предполагать, что Благоев и его товарищи наверняка знали ее и лишь на основе предварительного знакомства с литературой обратились к группе с письмом.

Деятельность „партии русских социал-демократов“ (благоевцев), созданной в течение зимы 1883/1884 года представляет чрезвычайный интерес для историка партии. Она впервые попыталась собрать социал-демократически мыслящих рабочих и интеллигентов в одну организацию, она же впервые (я в обоих случаях не говорю о Халтурине и предшествовавших кружках рабочих, ибо вряд ли его можно считать социал-демократом, марксистом же особенно). Нас занимает вопрос о связях этой интересной организации с группой „Осв. Тр.“.

Осенью 1884 года она попыталась связаться с группой через редакцию „Вестника Нар. Воли“, послав ей вместе с письмом также и проект своей программы для передачи группе. Группа „Осв. Тр.“ этого письма не получала до февраля 1885 г., когда руководители „партии“ послали группе второе письмо. Об этом письме Гринфест рассказывает Аксельроду: „Сегодня мы получили на адрес типогра-

фии письмо от одного петербургского кружка, который желает войти с нами в сношение. Письмо это адресовано к Рольнику, и пишущие просят его узнать у группы „Освобождение Труда“, получила ли она предыдущее их письмо с их программой, которое они некоторое время назад послали в группу через редакцию „Вестника Народной Воли“, так как последняя обещалась доставить это группе; если редакция „Вестника“ не дала этого нам, то они просят нас потребовать это от редакции, если же не поможет, то они просят прислать адрес; тогда они пришлют в другой раз. Об их благонадежности, пишут они, можно узнать в редакции „Вестника“. Они пишут, что сношения с нашей группой для них необходимы. В сегодняшнем письме они пишут адрес для переписки и шифр. Подписываются они „петербургские социал-демократы“. Это письмо послано ими через человека, который ехал за границу с тем, чтобы человек этот бросил письмо в почтовый ящик где-нибудь за границей. Мы получили это письмо из Парижа. Сегодня Вера Засулич написала Лаврову и требовала письмо и программу. Вы, конечно, не меньше нашего будете радоваться этому; наконец, русские стали нас искать¹⁾.

Наконец русские стали их искать—это действительно должно было много обрадовать Плеханова и его товарищей. С большим запозданием группа получила проект программы блгоевцев. Этот проект для Плеханова представлял тем больший интерес, что его проект (1884 г.) был уже готов, и он его печатал для рассылки по организациям.

Благоевская „программа“ ни в какой мере не могла выдержать сравнения с проектом Плеханова. Проект группы тоже нельзя было считать совершенным—в нем были некоторые существенные уступки „духу времени“,—однако принципиальная часть программы была строго выдержанная, марксистская. Благоевцы же, составляя свою программу, находились под большим влиянием Лассаля, что было отмечено группой. Группа не могла простить проекту блгоевцев и тот душок лавризма, который был очень силен в нем.

Подвергнув подробной критике, группа советовала не печатать проект и не распространять его. Вероятно, одновременно блгоевцам был послан проект Плеханова и обещание сотрудничать в готовившейся газете „Рабочий“, первый номер которого помечен январем 1885 г.

Проект группы был принят блгоевцами, и Плеханов написал свою замечательную статью—письмо к петербургским рабочим („Современные задачи русских социалистов“), где с такой удивительной простотой намечает основные задачи, стоящие перед рабочими кружками

¹⁾ Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 107.

в стране. Письмо Плеханова (вместе со статьей Аксельрода „Выборы в германский рейхстаг и соц.-дем. партия“) появилось в № 2 „Рабочего“ (июль 1885 г.). Третьего номера журнала выпустить блгоевцам не удалось, ибо вскоре же произошел провал типографии, после чего организация просуществовала еще некоторое время, постоянно теряя своих членов, пока в 1887 г. она не была совершенно ликвидирована. Переписка „партии“ с группой продолжалась в течение 1885 и 1886 г.г. Благоевцы очень много способствовали тому, что в конце 80-х годов в Петербурге ходило крылатое выражение „плехановство“, которое приводило в ярость народников и было синонимом ортодоксального марксизма. Это выражение держалось очень долго, вплоть до начала 90-х годов. Во всяком случае, еще т. М. Ольминский застал его в Петербурге в группах.

Как читались произведения Плеханова, читатель может составить себе ясное представление, прочитав блестящий очерк М. Горького „Мои университеты“, где удивительно художественно описано, как в провинции читали „Наши разногласия“ в конце 80-х годов.

Из этого же рассказа совершенно несомненно следует, что один из виднейших марксистов конца 80-х годов, Федосеев, был знаком с „Нашими разногласиями“, а, следовательно, в своей эволюции к марксизму немалым обязан был литературе группы „Осв. Тр.“, и что знаменательнее всего знакомился он с книгой не в Петербурге, а в провинции.

Это очень важно отметить, ибо не только петербургские кружки придерживались программы группы (а о таких кружках упоминают и Н. Д. Богданов, и М. Ольминский), но и ряд провинциальных, что особенно ценно. Теперь можно считать уже доказанным неправильность утверждения Плеханова, будто их проекты восьмидесятых годов не были приняты местными организациями. Практическое значение этих проектов было исключительно великое: они давали возникающим группам и кружкам возможность идейно самоопределиться. Там они давали не только общее направление критики народнических программ, но и более или менее ортодоксальный и выдержанный минимум практических требований, в чем марксисты особенно нуждались. Сделать из теоретических посылок практические выводы было делом не столь легким, и мы видим, как повсюду в провинции возникающие кружки выдвигают требования, на которых лежит неизгладимая печать народнического утопизма. Роль проектов и сводилась к очистке в этой области воззрений местных групп и кружков от чужеродных примесей, вместе с брошюрами Плеханова эту задачу проекты выполнили блестяще—все, что можно требовать от проектов.

Тем временем в эмиграции вокруг группы собрался тесный круг единомышленников, для которых задача марксистов в России рисовалась совсем не в том виде, как группе. В то время как группа занята была мыслью о дальнейшей разработке марксизма, об углубленном изучении трудов Маркса и пропаганды его, молодежь искала себе дела, практического применения своим силам. В частности Плеханова занимали вопросы философии и мировоззрения, он занимался Гегелем, Фейербахом, что крайне раздражало молодежь, которая требовала от него, чтобы он бросил занятия столь отдаленными вещами и приступил к писанию брошюр для рабочих. Д. Б. Рязанов рассказывает об этой ранней оппозиции против группы следующее: „Первый конфликт относится уже к зиме 1887—1888 г.г. Во главе „оппозиции“ стояли Соловейчик и Слепцова. „Молодые“ товарищи требовали для себя известных прав как в области организационной, так и в области литературно-издательской. Насколько мне известно из рассказов, „молодые“ требовали, чтобы литературе для рабочих отводилось и больше средств, и больше места. Среди изданий группы „Освобождение Труда“ организация первого русского „социал-демократического союза“, несомненно, являлась уступкой требованиям „молодых“. Сам Соловейчик уехал в Россию, где очень скоро был арестован. После трехлетнего заключения в „Крестах“, тяжело отразившегося на его психике, он был освобожден и кончил жизнь самоубийством. К первой оппозиции принадлежал и Парвус, приехавший в Швейцарию еще осенью 1887 года и принявший после очень деятельное участие в дискуссии 1888 года“¹⁾. Такое расхождение было неизбежно, поскольку группа и ее молодые последователи по разному подходили к задачам изданий, предпринимаемых группой. Эта оппозиция особых последствий не вызвала, однако показала группе, что без конца оставаться кружком пропагандистов нельзя, что, повидимому, не избежать устройства более широкой организации, ставящей себе цели не только углубление и пропаганду марксизма, но и популяризацию его, и организацию, собиравшие силы.

После долгих дискуссий был организован осенью 1888 г. „Русский социал-демократический союз“, в состав которого входила группа в полном составе и ряд молодых представителей местных организаций. Однако это не означало растворение группы в новом союзе, наоборот, после этого группа, повидимому, еще острее почувствовала необходимость самостоятельного существования и тесного сплочения.

¹⁾ „Под Знаменем Марксизма“ № 11—12 за 1923 г., стр. 7.

Ренегатство Тихомирова много способствовало тому, что в кругах как народовольцев, так и марксистов появилась тяга к совместным действиям. Когда появилось предисловие Тихомирова ко второму изданию своего труда „La Russie sociale et politique“, где он отказывался от террора и решительно высказывался против революционных методов борьбы,—народовольцы пришли в негодование и выпустили брошюру („распекация“—как обзывает ее Плеханов) „По поводу одного предисловия“.

В первый момент к этому ответу „группы народовольцев“ отнеслись чрезвычайно неодобрительно, и прежде всего марксисты ¹⁾. Не

1) Засулич пишет Кравчинскому: „Сумасшествие Тихомирова, наверно, такая же выдумка, как и то, что его чуть ли не к награде представили, и что он едет, а раз говорили даже—уехал в Россию. Ничего подобного нету. Никандр несколько дней тому назад был у Тихомирова и в восторге от него. Ему-то именно и нравится его нереволуционность. Мне она не нравится, но все же я не вижу права поносить его личность так, как это делают хора народовольцы (гордых тем, что предки Рим спасли, но в свою очередь спасать его намерений не высказывающих,— все студенты и барышни). От чего он отрекся? От террора, но террора для террора он никогда и не проповедывал, а думал, что с его помощью Исп. Ком. захватит власть и, устранивши вредные влияния на общину, даст ей возможность превратиться в рай. Ну, если ему община, ее будущее действительно важны, разве не должен был он за последние годы извериться в возможности осчастливить ее своевременно, пока не разложился через террор. А тут, должно быть, на грех, прочитал какую-нибудь восхвалительную [биографию Киселева, где было умолчено, сколько засечено крестьян при введении их устава. Ну, он и думает теперь, что 2-й Киселев менее утопичен, чем захват власти посредством террора, думает и говорит. Это очень печально, но кричать ему: „вы должны повестить“, „изменник“, „нравственное ничтожество“ и т. п. не за что и, право, очень гадко. Я как прочла эту брошюру (2-ю народовольцы), долго искренне думала, что ее писали Кун и Грюн (шпионы литературы). Аптекман (он в Мюнхене) тоже по телеграмме даже спрашивал: „не шпионы ли ее писали“ („Группа Осв. Тр.“, сб. I, стр. 202—203). Спустя несколько Засулич в другом письме опять пишет: „Тихомиров меня очень занимает, и я с нетерпением жду его брошюры, которую он, говорят, пишет под заглавием: „Почему я перестал быть революционером“. Но если он заговорит в ней „по душе“, то она может оказаться, действительно, вредной. В предисловии он просто декретизирует прекращение революционности, а этим никого не проймешь, кроме таких, кому и без того революция до смерти „обридли“. Да, поступок его во всяком случае вредный (хотя, вероятно, не в его глазах вредный), но не нечестивый. А ему, по всему вероятно, казалось не честным не заявить о перемене своих взглядов, раз они изменились помимо его воли, и раз он серьезно относится к идеям, к теориям. Из-за чего же иначе мог он это сделать? В награды, в прощение ни за что я не поверю, пока не увижу это на факте. Проживши до сорока с лишним лет бескорыстным деятелем, вдруг пустить свою душу в продажу, да еще такую! Этого не бывает! Времена, правда, мрачные, много народу подают втихомолку прошения царю и едут на места в Россию. Но то люди другого калибра, их занесло движением, куда по натуре им можно бы и не ходить. А он инициатор, его не несло, а он сам двигался“ (стр. 204).

только письма Засулич, но и статья Плеханова в первом сборнике „С.-Д.“ крайне характерна именно таким неодобрительным отношением к народолюбцам, которые не понимают, что логика их учения неизбежно должна привести их к восхвалению мероприятий Киселевых. Но такая ошибка недолго продолжалась, ибо вскоре появилась брошюра Тихомирова „Почему я перестал быть революционером“, из которой несомненно явствовало, что это не было последовательным додумыванием своих воззрений до конца, а самое неприкрытое ренегатство ¹⁾. Тот исключительный моральный распад, который царил в эмиграции, угрожал несомненно всем добрым традициям, самому движению, молодому кадру. Конец восьмидесятых годов—самый мрачный период разложения внутри страны не мог не вызвать такого же разложения вне ее, в рядах революционеров. Со стороны революционеров было совершенно естественно стремление теснее сомкнуть ряды. Такое течение было в рядах молодежи, такую линию заняла группа „Осв. Тр.“. Аксельрод обращается в августе 1888 года к Лаврову с предложением создать единый фронт, с каковой целью он предлагает Лаврову вступить в редакцию „Библиотеки Современного Социализма“ ²⁾.

¹⁾ Засулич пишет С. Кравчинскому: „Дорогие Сергей и Фанничка, пишу только, чтобы покаяться относительно Тихомирова и поделиться своим бешенством. Вот уже 2 ночи, как я прочла его ответ, и от злости спать не могу. Нет, что и говорить, ему обеспечено место в министерстве, и такого злого врага еще не было у радикалов, каким будет он. Если те, что писали против него ругательную брошюру, заранее знали содержание его ответа, то были правы и только жаль—безграмотны. Это частейший Катков по злости, только в 10 раз глупее и описывает нравственное и умственное падение революционеров не своими словами, а заимствованными из повестей „Русского Вестника“. Да и пяток у него, наследственного монарха, главы православной церкви, Катков никогда до такой степени не вылизывал. И ведь непохоже, чтобы с ума сошел: тон спокойный и логика оставляет его лишь, когда заговорит о самодержавии. Сверстников (нас с вами в том числе, значит) приглаголет себе содействовать в искоренении крамолы и намекает, что все в сущности с ним согласны,—только из трусости помалкивают. О, что это еще за чертовщина пошла! И ведь верно, что мало найдется „сверстников“, которые лишь с крайностями его брошюры не согласятся. Вот тем-то и хорош марксизм, что не требует он веры, невозможны при нем и такие перемены „вероисповеданий“, мгновенные перекувыркивания вверх ногами“ (стр. 206). В другом письме вслед за тем она сообщает Кравчинскому: „Читали вы в октябрьской книжке „Русского Богатства“ письмо „Из ссылки“? Рассказываются страшные мерзости (вслух читать нельзя) о ссыльных, едва изменяя фамилии. Рассказывает раскаявшийся ссыльный. Никандр его знает и всех; дело идет о том городе, где и он был, и сестры Фаннички. „Новое Время“ с радостью заявляет, что с почину Тихомирова нам, очевидно, предстоит целые ряды разоблачений из этой среды“ (стр. 207).

²⁾ Он пишет Лаврову: „Пишу Вам под непосредственным впечатлением только что прочтенной брошюры Тихомирова и прилагаемого письма от нескольких наро-

Но Лавров был неисправим, и надежды на совместные действия были очень небольшие. Причиной отказа своего участия он выставил нетерпимость ко всем социалистическим организациям, обнаруженную группой. „Я не пойду ни в какую комбинацию, где, рядом с социалистами, становятся либералы-несоциалисты; ни в какую комбинацию, которая предлагает социалистам из утилитарных целей спрятать свое социалистическое знамя; но и ни в какую социалистическую комбинацию, которая оскорбляет и раздражает других социалистов-революционеров, а тем менее в ту, которая выступает с большею резкостью против товарищей других оттенков, чем против людей лагеря, враждебного социализму вообще“¹⁾). Разумеется, вряд ли мыслимо было его совместное участие с Плехановым в единой редакции. Когда Аксельрод еще раз, через год, обратился к нему с пись-

довольцев. Письмо это, хотя и помечено 10 июля, передано мне, однако, только вчера. В письме представители той части молодежи, которая воспитана на предубеждениях против социал-демократии, умоляют нас о соединении литературных революционных сил для общей борьбы против общего врага. Брошюра Тихомирова, призывающая эту молодежь к отречению от всякой борьбы, является как бы наглядной иллюстрацией необходимости того „соглашения“, о котором говорится в письме народовольческого кружка. Нужно, впрочем, Вам знать, что я уже в прошлом году, виноват, кажется, в феврале или январе этого года, сделал шаг в этом направлении. К сожалению, я обратился не по надлежащему адресу. Предполагая Вас, Тихомирова и М. Н. (М. Н. Полонскую. В. В.) составляющими одну группу и будучи лично знаком с Тихомировым, я написал ему через посетившего и Вас адвоката письмо, в котором указывал ему на возникающую реакцию в среде революционной интеллигенции и на необходимость в виду этого сближения между нашей и Вашей группой. Как первый шаг в этом направлении, я предлагал совместное редактирование органа, проектировавшегося адвокатом. Я пошел даже дальше. Я написал ему, что из опасения перехода органа в чисто либеральные руки Драгоманова мы готовы всячески содействовать тому, чтобы редактирование перешло целиком к Тихомирову и к Вам. Конечно, если бы я тогда имел понятие о распадении Вашего кружка, я бы обратился прямо к Вам, и весьма вероятно, что из этого что-нибудь вышло бы до сих пор. Как бы то ни было, теперь я считаю своей обязанностью обратиться к Вам с тем же предложением (не в буквальном смысле, конечно), с каким прежде обращался через Тихомирова к нему и к Вам же. Если уж молодежь, которая теперь, увы, далеко не отличается подвижностью мысли, начинает сознавать необходимость сближения и соединения революционных сил под знаменем учений научного социализма, то тем непростительнее было бы нам оставаться в прежнем разъединении и тем мешать объединению и выступлению революционной интеллигенции на новый путь борьбы. Иначе неминуемо предстоит переход заметной части молодежи на сторону Тихомирова, который, в моих глазах, отнюдь не продажный ренегат, а несчастная жертва нашего славянофильского социализма, словом, народничества. Я, впрочем, не стану доказывать здесь логическую необходимость этого превращения для человека, преданного народническим „идеалам“ и в то же время разочаровавшегося в своей вере в революционный „захват власти“ (Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 34).

¹⁾ Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 37.

мом от редакции „С.-Д.“, приглашая писать о Чернышевском, то это свидетельствовало скорее о крайнем миролюбии окружающих группу сочувствующих, чем о каком-либо новом основании для новых переговоров. Лавров статьи не послал.

Но еще ранее того, как группе удалось поставить свой орган („Соц.-Дем.“), образовался в Женеве кружок Раппопорта, стоящий на точке зрения группы по многим теоретическим вопросам, предпринявший издание журнала „Социалист“, в котором члены группы были приглашены участвовать.

IV.

Группа Раппопорта была интересным явлением, как промежуточная организация, ушедшая от народовольческой теории, но еще сильно увлеченная народовольческими приемами борьбы. Раппопорт пишет Аксельроду: „Дело в том, что одна практическая группа соц.-рев., в которую входят как лица, действующие теперь в России, так и некоторые из заграничных революционеров (последние в самом непродолжительном времени также будут работать в России), взяла на себя инициативу создания социалистического органа. Группа эта, в лице своих членов входя в различные революционные русские кружки, пользуется самыми широкими связями со всем, что есть в настоящее время живого (в революционном смысле этого слова) в России. Являясь в некотором роде сосредоточением всех групп (особенно центральных), группа эта выражает собою мнения всех их. Орган пока будет только официальным, через некоторое время он сделается официальным органом действующей в России соц.-рев. партии“¹⁾.

Вряд ли можно эту саморекомендацию принять всерьез. Такие промежуточные организации тогда действительно были, но не они были „всем тем живым“ в революционных кругах, которые действовали в России. Но Плеханов, а вслед за ним и его товарищи приняли охотно предложение Раппопорта, увлеченные заботой привлечь на свою сторону всю ту промежуточную революционную интеллигенцию, которая от народничества отошла, а к марксизму не пристала, по крайней мере целиком. „Г. В. Плеханов писал о ней Аксельроду: „Программа этой организации... почти целиком списана с нашей. В ней есть несколько наивностей, несколько неловкостей, но общий дух ее несомненно наш“²⁾. Поэтому-то Плеханову не трудно было дать свое согласие на участие. „Я имел уже возможность обратиться

¹⁾ Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 111.

²⁾ Там же, стр. 112.

к Г. В. Плеханову, который вполне согласился принимать участие в издании своими литературными произведениями. Для № 1, который предположен к выходу не позже 20—25 апреля, он обещал уже статью. Программа органа такова, что товарищ Ваш заявил мне, что на ней мы всегда можем сойтись. Вообще же г-н Плеханов обещал всячески поддерживать это предприятие. Подробнее обо всем этом мы поговорим при личном свидании. Я обращаюсь к Вам, уважаемый Павел Борисович, с таким же предложением—участвовать в издании своими произведениями. И так как я уверен, что мы с Вами сойдемся, что с программой Вы наверное согласитесь, то я бы предложил Вам приготовить статью для первого же №¹).

В свою очередь Плеханов также пишет Аксельроду о необходимости принять участие в журнале. Уговаривая Аксельрода, он пишет „если бы „молодые народовольцы“, которые теперь будут называть себя социалистами-революционерами, только напечатали ту программу, которую мне показывал Раппопорт, то и это уже было бы огромным шагом вперед в смысле идейного развития нашего движения“²).

Приводим еще одно ценное свидетельство. В. Засулич пишет об этой поре Кравчинскому следующие строки: „Жорж с Павлом пишут в новом журнале „Социалист“, под редакцией если не самого Полена, то его двойника: Раппопорт—очень похож. Программу, как сами увидите, взяли у нас, перефразировали лишь маленько и изложили дюжим языком. Но они предполагают, что сами дошли до нее; а соединиться намерения не имеют. Они называются „наследники Народовольцев“, а пригласили в сотрудники. Редактор благосклонен, но строг, делает Жоржу внушения—даже насчет слога. Тот напустил на себя безграничную кротость—поправляет, объясняет. Да и нельзя не быть кротким между массой националистических журналов („Свободная Россия“, „Самоуправление“, „Свобода“, „Борьба“, и старое „Общее Дело“). „Социалист“ будет единственным, и если бы не писать у них, Петр Лавров его бы тотчас же задавил, и Рус[ские]³) и друг. повернули бы. Он, Лавров, и то старается, ужасную написал статью для 1-го №. Гегеля легче понять, о чем он говорит, чем его“⁴).

В первом номере появилась как статья Плеханова („Политические задачи русских социалистов“), так и Аксельрода. Могло с первого

1) Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 111.

2) Там же, стр. 110.

3) Л. Г. Дейч почему-то сокращенному слову „Рус“ приписывает непонятное значение Русские; по нашему, это ошибка, — по видимому, речь идет о Рус[анов]е, который вместе с Серебряковым и др. также участвовал в „Социалисте“.

4) „Группа Осв. Тр.“, сб. I, стр. 210.

взгляда казаться, что то, что не удалось Аксельроду, то, с успехом выполнил молодой Раппопорт: в одном и том же номере наряду со статьями „Освободителей“ появились также и статьи Лаврова, Русанова и др. народовольцев.

Но это было объединение, которое тем и было вредно, что не имело под собой принципиальной договоренности. Аксельрод пытался объединить на основе „научного социализма“, группа же Раппопорта после первого же номера испугалась слишком марксистского уклона журнала. Во всяком случае, когда во время первого Парижского конгресса Плеханов пытался сговориться с Раппопортом, тот вел себя столь уклончиво, что вызвал крайнее раздражение со стороны Плеханова. Последний, возмущенный „маккиавелизмом“ сторонников Раппопорта и его самого, отказался от дальнейшего сотрудничества в „Социалисте“.

Это Парижское совещание также было организовано по инициативе Аксельрода. Говоря о своем желании попасть в Париж на конгресс, Аксельрод пишет Кравчинскому: „Мечтал и я попасть в Париж, надеялся там и с тобою встретиться, но не сбыться этому из-за финансовых соображений. Вот разве брошенный мной в обращение проект о конференции русских, группирующихся вокруг „Социалиста“, приведен будет в исполнение. Тогда уж придется сделать отчаянное усилие—и поехать в Париж, а то от нас очутится там один только Жорж против полутора или больше десятков противников и полупротивников“¹⁾. Совещание было неожиданным по своим результатам; Раппопорт вел себя так, что Плеханову и Аксельроду нетрудно было заметить, под чьим влиянием находились Раппопорт и его товарищи: побыв в Париже среди старых народовольцев, он поддался их сильному влиянию.

Никакого дальнейшего разговора не только об объединении, но и об сотрудничестве в едином органе, не могло быть. Впрочем, далее первого номера „Социалист“ так и не пошел. Группа еще несколько времени занималась изданием брошюр, пока не прекратила свое существование с арестом Раппопорта в 1890 г. на русско-румынской границе, когда он попытался пробраться в Россию для восстановления связей.

5.

В 1889 году французские гэдисты и бланкисты вместе с германскими с.-д. организовали комитет для созыва международного съезда социалистов. В этот комитет был выдвинут со стороны гэдистов

¹⁾ Из архива П. Б. Аксельрода. стр. 79 (курсив мой. В. В.).

II. Лафарг, составлявший список организаций, которые надлежало приглашать на конгресс.

Он, повидимому, и заботился о том, чтобы были созваны действительно представители групп, а не единичные видные социалисты. Но в вопросе о русском представителе выбор Лафарга может вызвать большие недоразумения в наши дни. Несмотря на то, что он сам лично хорошо знал Плеханова, обращения были посланы только Лаврову и Степняку; Лавров—понятно, он представлял собой народовольчество, но Степняк—трудно объяснимая кандидатура. Как бы там ни было, а Степняк, узнав, что необходимо делегату представлять организацию, указал Лафаргу на Плеханова, как на представителя группы „Осв. Тр.“, сам же—не представлявший никого—был вынужден уклониться.

Степняк пишет В. И. Засулч: „Лафарг пишет, что Лаврова они приглашали, но он отказался. Я не понимаю, почему; вероятно, потому, что после падения „Вестн. Народн. Воли“ он не считает себя представителем какой-либо определенной группы, действующей в России. Впрочем, может и по другому чему: кто их там разберет. Я писал Лафаргу, объясняя, почему я лично не могу соваться в этот конгресс, что ваша группа единственная из мне известных, которая удовлетворяет требованиям. Вы издаете на русском языке орган научн. соц. и состоите в органической связи с группами рабочих, разделяющих ваши взгляды и даже посылающих вам деньги, собранные из их взносов (о 15 рублях мы слышали! Может, теперь и больше стало?), хотя вы формально и не выбраны ввиду специально русских условий, которые нужно принять во внимание, но вы в такой же степени можете считать себя представителями русских рабочих, как Лафарг и иные. Это я писал Лафаргу, и думаю, что вы с этим согласитесь. Если нет препятствий со стороны здоровья Жоржа—что самое существенное,—то следовало бы, мне кажется, сделать все возможное, чтобы не упустить такого хорошего случая. Напишите, что об этом думаете вы и ваши“¹⁾.

Действительно, вскоре²⁾ группа получила официальное пригла-

¹⁾ Группа „Освобождение Труда“, сборник 1, стр. 235.

²⁾ Он пишет до этого в том же письме: „Получили ли вы и ваша группа приглашение от Лафарга на марксистский конгресс в Париже? Если нет, то, вероятно, получите завтра или вместе с этим письмом. Они, было, меня пригласили через одного общего знакомого, который не объяснил мне, что только представители групп приглашаются. Я послал им, не долго думая, свою подпись и получил в ответ чисто французскую благодарность и изъявление всякого удовольствия с приложением вопроса: „от какой группы меня записать“. Конечно, я извинился: мне ни в конгрессе, ни в призывном циркуляре места, очевидно, нет. А между тем очень желательно было бы, что бы русский социалист был на таком конгрессе.“

шение от Лафарга. В. И. Засулич рассказывает об этом в ответе Кравчинскому: „Спасибо за рекомендацию нас Лафаргу. Мы действительно на-днях получили от него письмо, и все совещались, что ответить, так как представителями рабочих явиться формально мы не можем. Ваше письмо вывело нас из затруднения. Я так и отвечаю Лафаргу, что, мол, от Степняка вы уже знаете о нашем положении. Если в июле здоровье Жоржа будет, как теперь, то с этой стороны препятствий не будет. Скорее со стороны денег. Чтобы на свои, об этом и думать нечего“¹⁾. Отсрочив по болезни посылку письма, В. И. через некоторое время делает приписку: „Пока я валяла письмо, более или менее выяснилось, что денег на поездку Жоржа на конгресс не будет. Начинается у нас финансовый кризис. Воят кредиторы в Женеве. Сегодня получила отчаянное послание от мальчиков (очень милых), сидящих у нас на типографском хозяйстве в Женеве“²⁾. О том же крайнем материальном затруднении пишет Аксельрод Кравчинскому: „О поездке Жоржа (Плеханова) в Париж для представительства на съезде я уже возмечтал недели 3 тому назад до получения приглашения Лафарга. С этой целью я попросил кое-кого делать сбор,—но Цюрих страшно истощен сборами в пользу лиц, бывших замешанными и изгнанными по делу о бомбах. Может, удастся сколотить несколько десятков франков, но на эти деньги, конечно, не поедешь в Париж. А ты бы написал об этом Раппопорту—твое мнение, как беспристрастного, могло бы на него и К-о произвести некоторое впечатление. Ведь эти господа—олухи, с позволения сказать: ни теорией, ни литературным или ораторским талантом их не проймешь. Кто-то из парижан имеет быть представителем—вероятно, на конгрессе POSSIBILITY. Растолкуй ты, пожалуйста, Раппопорту, что, раз его компания выступает с органом, стоящим на нашей точке зрения, их прямая обязанность помочь делу отправки на конгресс

Это произвело бы очень хорошее впечатление в России, да и здесь было бы недурно выяснить солидарность русских социалистов всех направлений и течением известного рода. Нас либо политиками-головорезами, либо анархистами считают. Если бы здоровье позволило Жоржу, было бы чрезвычайно хорошо, если бы он поехал. Что он произвел бы очень хорошее впечатление и не посрамил бы русского имени, это вы сами знаете. Я помню, как еще в мое студенческое время мы зачитывались отчетами интернациональных конгрессов. Теперешняя молодежь будет читать с двойным интересом речи русского, особенно, если видно будет, что они производят впечатление и были не из последних. Патриотизм, что будешь делать? Я, вы знаете, во многом не согласен с вашей группой, но это не существенно. Агитационное значение будет отличное, и затем пусть люди рассортировываются, как хотят“ (Группа „Осв. Тр.“, сборник 1, стр. 234).

1) Группа „Освобождение Труда“, сборник 1, стр. 209.

2) Там же, стр. 210.

наиболее даровитого представителя социал-демократического направления среди русских“¹⁾).

Но общими усилиями удалось преодолеть финансовую нужду и без помощи „богатых родственников“ из „Социалиста“, и Плеханов вместе с Аксельродом поехали на конгресс.

После конгресса, в котором Плеханов принял самое живое участие, он пишет Степняку: „Я теперь в Париже страшно устал; сегодня кончился конгресс. Несколько дней я хочу остаться в Париже для осмотра выставки. Вас хотелось бы мне видеть всем сердцем, а Энгельса всей головой, но я не думаю, что дело поездки удастся, потому что нет денег. Если бы, паче чаяния, у вас оказалась сумма, способная покрыть расходы, высылайте ее; я скажу большое спасибо и приеду немедленно“²⁾).

Степняк, повидимому, оказал ему помощь, ибо Плеханов через несколько дней действительно поехал в Лондон и познакомился с Энгельсом. „В 1889 г. я, побывав на Международной выставке в Париже, отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом. Я имел удовольствие, в продолжение почти целой недели, вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы“³⁾. Тут же он указывает, что с ним был и Аксельрод, который был свидетелем его разговоров о Спинозе с Энгельсом.

Вернувшись из Лондона, Плеханов осенью заболел и долго был в крайней нужде, о чем свидетельствуют письма В. И. Засулич.

Группе удалось с большим трудом выпустить сборник „Социал-Демократ“ еще в августе 1888 г. Но более или менее регулярно выходящее обозрение организовать не удавалось за совершенным отсутствием средств. Только к началу 1890 г. группа смогла приступить к изданию литературно-политического обозрения „Соц.-Дем.“.

В течение 1890 года они выпустили три книги (в феврале, августе и декабре), но с великими трудностями и при крайней материальной нужде, которая настолько была сильна, что за 1891 год не было издано ни одной книги. Более того, повидимому, материальные условия и болезнь Плеханова мешали тому, чтобы делегаты группы участвовали на втором Брюссельском конгрессе Интернационала, и группа, как известно, вынуждена была ограничиться посылкой доклада за подписями Плеханова и Засулич. Доклад представлял собой безжалостную, хотя и осторожную критику воззрений народолюбцев и бакунизма.

¹⁾ Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 79.

²⁾ Группа „Освобождение Труда“, сб. 1, стр. 147.

³⁾ Г. В. Плеханов, Сочин., т. XI, стр. 21—22 (ст. „Бернштейн и материализм“).

Это особенно важное обстоятельство, ибо оно на много испортило отношение, которое не было особенно близким, но которое все-таки не носило характера вражды между Плехановым и старыми народолюбцами во главе с Лавровым.

Доклад был написан летом, в нем о голоде не говорится ничего. Всего несколько недель после конгресса было достаточно, чтобы выяснилась вся ужасающая картина общественного бедствия, охватившего страну. Все течения так или иначе реагировали на весть о голоде, не могла отделаться молчанием также и группа „Осв. Тр.“, которая представляла собой пролетарское движение.

По инициативе Аксельрода была созвана группа, которая приняла предложение его о создании „Лиги борьбы с голодом“, объединяющая все революционные партии в борьбе на почве голода за конституцию, за Земский Собор.

Группа решила обратиться с соответствующими письмами в Париж и Лондон и поручила Плеханову написать брошюру „Всероссийское разорение“ ¹⁾. „Вернувшись из Морне домой, не дожидаясь ответа из Лондона и Парижа, П. Аксельрод организовал в Цюрихе межпартийный кружок, который должен был положить начало предположенному объединению „снизу“ и этим оказать воздействие на „верхи“. Со стороны народолюбцев в „Общество борьбы с голодом“ вошла группа молодежи, преемственно связанная с группой „Литературного социалистического фонда“ 1887 г. Но преобладающее влияние в обществе получили социал-демократы,—преимущественно, из местной учащейся молодежи. Секретарем и непосредственным руководителем общества был Як. Кальмансон. Деятельность Комитета началась с обращения к П. Лаврову“. В обращении „Общество“ просило Лаврова не только о сочувствии, но и о том, чтобы он написал специальную брошюру о голоде.

Ответ Лаврова крайне характерен. Он дает некоторое понятие о том, каковы были взаимоотношения между этими двумя течениями и каковы расхождения. „Я неизбежно стою не только на точке зрения требования „конституции“, а самым определенным образом на точке зрения социализма. Если до Вас дошли какие-либо сведения о тех рефератах, которые я читал в нынешнем году в Париже, и о тех письмах, которые я писал на Брюссельские конгрессы, то Вы могли видеть, что именно теперь, когда столько русских социалистов готовы спрятать красное знамя в

---

¹⁾ Там же повидимому и были выработаны туманные лозунги, вызвавшие негодование „Молодых“. Из II т. Архива ясно, что конец „Вс. pass“.—уступка Плеханова Аксельроду.

карман (! В. В.), я считаю необходимым подчеркнуть, что наши политические требования вытекают из наших социалистических убеждений¹⁾.

Чрезвычайный интерес этого отрывка заключается в том, что социалисты, готовые спрятать красное знамя в карман, были, по мнению Лаврова, некто иные, как... члены группы „Осв. Тр.“. Чтобы иметь возможность сравнить точку зрения группы, мы приведем два отрывка из письма Аксельрода от имени группы, адресованного „Обществу“: „Со стороны революционеров-социалистов было бы непростительной ошибкой, вернее, преступлением перед собственным знаменем, если бы они не воспользовались кризисом, переживаемым теперь Россией, в интересах возбуждения конституционно-демократической агитации—в обществе и народных массах“²⁾. Успех подобной агитации, пишет Аксельрод, зависит от энергии и целесообразности способов деятельности революционных групп среди интеллигенции и рабочих. Но что означает „демократически-конституционная агитация“? Мы употребили выражение „демократически-конституционная агитация“ потому, что оно без обиняков, вполне определено и конкретно обозначает совокупность главных практических задач, выпадающих на долю русских революционеров в настоящий момент. Известно, что задачи эти являются, с точки зрения социальной демократии, органической составной частью социализма, а деятельность социалистов в сфере их решения—одним из важнейших фазисов в процессе приготовления социалистической революции. Поэтому, ни на йоту не поступаясь своими принципами, не делая ни малейшего насилия над своей социалистической совестью, мы можем со всей доступной нам энергией способствовать распространению в обществе и народе сознания необходимости конституционных порядков в России. И разумеется, чем активнее, последовательнее и самостоятельнее—что не исключает союзных отношений к другим оппозиционным группам—социалистические элементы примут участие в борьбе против самодержавия, тем плодотворнее будут результаты ее для народных масс“³⁾.

Это целая программа, и вряд ли можно ее считать плохой программой. Но ее осуществление требовало наличия политической организации, способной ее реализовать—такой организации в стране не было; надежды же на „Общество“ были тщетные: от общества с подобным составом вряд ли можно было ждать какого-либо целесообразного действия. План, предложенный Плехановым в своей бро-

1) Там же, стр. 119. 2) Там же, стр. 122. 3) Там же, стр. 123.

шюре, был аналогичный, и он-то и вызвал недовольство как среди народолюбцев, так и среди молодых марксистов. К концу осени, к началу зимы Плеханов побыл некоторое время в Париже, где пытался уговорить народолюбцев к совместному действию.

Но Лавров—от их имени, конечно—потребовал, чтобы Плеханов публично отказался от своего доклада Брюссельскому конгрессу, без чего он не соглашался даже войти в Центральный Комитет Общества, который намечали сами члены в составе Плеханова, Лаврова и Кравчинского. Последний же отказался формально под тем предлогом, что он далек и временем не располагает, а на самом деле он превосходно понимал, какую цель преследовали члены группы „Осв. Гр.“—ему еще менее, чем Лаврову, улыбалась перспектива объединения на почве „научного социализма“ с марксистами, хотя он лучше Лаврова отнесся к брошюре Плеханова. Он писал В. И. Засулич: „Жоржева брошюра полагает конец всяким разногласиям, потому что под его заключительными требованиями мы все подписываемся обеими руками“¹⁾.

Это была последняя попытка „собрания сил“, после которой Плехановский скептицизм насчет объединительной горячки, охватившей Аксельрода и других, вступил в свои права и поэтому установилась у группы более твердая и непримиримая линия.

6.

Выше мы уже отметили, что решение вопроса о голоде вызвало не только возражения со стороны народолюбцев, но и со стороны некоторых молодых марксистов.

Письма „О задачах борьбы с голодом в России“ значительно смягчили разногласия внутри марксистского лагеря, но еще ни в коем случае не устранили. Наоборот, только после голода с особой силой встал вопрос о пропагандистской литературе, который в свое время был ликвидирован созданием Союза. Главою новой оппозиции стал Иогихес-Тышко.

Об этой оппозиции на наш взгляд установилось очень неправильное представление, особенно стараниями польских товарищей. По их мнению, протест Тышко был протестом против всеподавляющего авторитета Плеханова. Это обстоятельство, быть может, и играло не малую роль, как непосредственная побудительная причина отхода Тышко от русского движения, последовавшего значительно позже. Причину оппозиции следует искать в другом—в вопросе об издательстве. Еще менее было влияние его личного характера на отно-

¹⁾ Группа „Освобождение Труда“, сб. 1, стр. 237.

шения его к польским партиям, а ведь это обстоятельство играло исключительно большую роль в конфликте между Тышко и Плехановым — не меньшую, чем даже вопрос о характере издательской деятельности группы.

Личный характер ничего не объясняет и в его столкновении с Р. Люксембург на Цюрихском конгрессе.

Те, кто обвиняют Плеханова во всех семи смертных грехах за его поведение в Цюрихе, пытаются объяснить и понимать точно такое же поведение Либкнехта и Энгельса.

Плеханову гораздо труднее было, как русскому, отрешиться от старого воззрения на решение польской проблемы, чем кому-либо другому, а ведь грех Плеханова в польском вопросе сводился к тому, что он продолжал придерживаться старых воззрений.

Разумеется, Плеханов не обязан был защищать националистический П. П. С. в угоду ли Энгельса, который мог и не знать подлинной природы этой буржуазной партии, или ис каким-либо иным соображениям, однако нужно было время, чтобы выявилась вся националистическая природа П. П. С.; такого времени потребовалось очень не много, но до этого времени нельзя было требовать от Плеханова иного отношения к польскому движению, чем это было установлено во всем Интернационале.

Рязанов справедливо пишет: „Опираясь на старое требование Маркса и Энгельса, — необходимость восстановления старой Польши, — Польская Социалистическая Партия, в которую вошли в очень небольшом количестве представители старого „Пролетариата“ и в очень большом количестве польские буржуазные националисты, прикрывавшиеся социалистической фразеологией, заняла сейчас же позицию, крайне вредную для интересов русского рабочего движения. В то время, как польские социал-демократы отстаивали с самого начала необходимость тесной солидарной борьбы польского и русского пролетариата против царизма, польские социалисты употребляли все усилия, чтобы дискредитировать или свести совсем на-нет успехи молодого русского рабочего движения. Эта тактика через несколько лет вынудила и Плеханова порвать с лидерами П. П. С.“¹⁾

После такой крайне шовинистической нелояльности, обнаруженной П. П. С., Плеханов смело занял отрицательную позицию, но именно теперь, когда никто не мог его обвинить в великодержавном национализме и всякий его оправдал бы, как человека, защищавшего интересы международной солидарности рабочих.

Но столкновение с польскими революционными с.-д. произошло

1) „Под Знаменем Марксизма“ № 11—12 за 1923 г., стр. 10—11.

ранее того на много. Цюрихский конгресс собрался тогда, когда еще П. П. С. пользовалась большим кредитом в молодом Втором Интернационале. Столкновение на Цюрихском конгрессе по вопросу о допущении Р. Люксембург оказало решающее влияние на обострение отношений. Однако историю оппозиции Тышко мы имеем в изложении самого Плеханова, крайне субъективном, но несомненно более близком к истине, чем то, что дают воспоминания.

В чрезвычайно запальчивом тоне характеризуя главу оппозиции— Тышко (а тем самым характеризуя неправильно, ибо, как известно, возбуждение—плохой друг истины), Плеханов рассказывает Энгельсу, что, познакомившись с группой, тот неоднократно совещался относительно своей будущей деятельности, на что члены группы предложили ему уехать в Россию на организационную работу (но, получив предложение, „Тышко неожиданно заявил, что он получил от одного из своих друзей 15 тысяч рублей „для дела“ и что он считает себя обязанным остаться за границей, чтобы сделать хорошее употребление из этих денег (!). Я до сих пор не знаю, откуда взялись эти деньги; я думаю, что он имел их уже во время переговоров с нами (говорят, что мать его очень богата). Как бы то ни было, г-н Иогихес предложил нам новые условия: 1) он остается за границей; 2) он употребляет проценты с капитала для нужд движения; 3) во всяком предприятии он один имеет столько голосов, сколько мы все: все наши сношения с нашими товарищами в России он отныне будет вести один, мы должны ему передать все наши адреса, все наши знакомства... Наши взаимные отношения стали очень холодными. Он дал, однако, немного денег для наших изданий, но в то же самое время он вел глухую кампанию против нас везде, где он только мог. Он искал случаев составлять нам оппозицию“ 1). Такой случай появился скоро: это был голод. „Мы говорили во всех наших брошюрах и во всех письмах, посылаемых в Россию, что наши товарищи должны воспользоваться положением для конституционной агитации. Г-н Иогихес третировал нас, как изменников социализма: „для истинного социализма конституционная агитация не имеет смысла“. Отсюда вы видите глубину его идей. Но он еще не боролся с нами открыто; он только угрожал нам, что перейдет на сторону Лаврова. Это нас очень мало трогало, тем более, что у Иогихеса, по нашему мнению, было достаточно ума, чтобы понять, что Лавров остается все более и более одиноким, изолированным. И в самом деле Иогихес не совершил этой ошибки“ 2). Действительно, некоторая общность постановки вопроса между Тышко (и другими моло-

1) „Под Знаменем Марксизма“ № 11—12 за 1923 г., стр. 17.

2) Там же, стр. 17—18.

дыми марксистами) и Лавровым была, но Тышко было прекрасно известно, что означало бы подобное превращение. Он привлек на свою сторону Б. Кричевского и стал издавать „С.-Д. Библ.“. Это было уже почти накануне Цюрихского конгресса. „Иогихес, который, как я уже говорил, беспрестанно интриговал и среди поляков, и среди нас, основал за две недели до конгресса социалистический польский журнал „Рабочее Дело“; во время конгресса появился только один номер его. Но не важно. Он послал некую Люксембург в качестве делегатки журнала. Делегатка Иогихеса в компании с другим „товарищем“ представила лживый и мезуитский отчет о движении в Польше. Вся польская делегация с негодованием отвергла ее. Она обратилась ко мне, указывая, что, ввиду того, что она родилась в русской Польше и что ее друзья работают там, она не хочет быть с поляками, а хочет быть с русскими. Несмотря на протесты польской делегации, Бюро допустило м-ль Люксембург. Поляки апеллировали к конгрессу. Голосование происходило по национальностям; конгресс аннулировал решение Бюро. Я голосовал с польской делегацией, против допущения м-ль Люксембург. Я не мог поступить иначе, потому что, поддерживая предложение об аннулировании польской делегации (т.-е. предлагая делегатам русской Польши войти в русскую делегацию, делегатам Австрии в австрийскую и т. д.), я требовал бы нового раздела Польши, другими словами—я сделал бы колоссальнейшую глупость. Г-н Иогихес воспользовался этим вторым случаем, чтобы назвать меня—на этот раз открыто—предателем социализма и союзником буржуазных патриотов (эти буржуа: это—Мендельсон и его друзья). Г-н Кричевский поднял еще больший шум, и раскол совершился. Впрочем, гражданка Элеонора Маркс-Эвелинг знает перипетии этой борьбы членов конгресса против и за прекрасную м-ль Люксембург (на конгрессе она фигурировала под другим именем)¹⁾. Как и следовало ожидать, после конгресса борьба должна была и приняла еще более ожесточенные формы. После того, как мы имеем это письмо Плеханова, которое дает ключ к пониманию природы оппозиции „молодых“—все старые предположительные решения этого вопроса следует отбросить. Ясно: из сравнения этого письма с тем, что мы говорим выше о позиции Лаврова, неизбежно вытекает, что „молодые“ повторяли аргументы Лаврова; они были смущены обвинениями, которые выдвигали „старые народовольцы“ против группы „Осв. Тр.“; им также казалось, что Плеханов „сворачивает красное знамя“.

---

¹⁾ „Под Знаменем Марксизма“ № 11—12 за 1923 г., стр. 18.

Вряд ли Тышко угрожал уходом к Лаврову, но что он неоднократно, повидимому, укорял Плеханова Лавровым, это нам кажется неоспоримым. Но тогда нам кажется совершенно излишним доказывать, что „оппозиция“ была политически крайне незрела и что Плеханов имел большое основание быть крайне раздраженным. Впрочем, вся эта борьба длилась недолго.

Плеханов порвал всякие связи с П. П. С.; а Тышко нашел применение своим богатым силам в русской Польше, и таким образом вторая оппозиция ликвидировалась, чтобы дать место новой, уже принципиальной оппозиции экономистов.

7.

Но до этого несколько слов о прорыве цензурного фронта, о появлении марксизма и самой группы в лице Плеханова на страницах легальной журналистики. Ленин справедливо говорит об этой полосе истории марксизма в России: „Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или в начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомаleastшие ростки политического недовольства и протеста,—внезапно пробивает себе дорогу в полдензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех „интересующихся“ понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскивала нового врага и обратилась на него,—до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг“¹⁾. Своеобразие явления, называемого легализацией марксизма, почти неожиданного раскрытия цензурных ворот, отмечено у Ленина превосходно.

Вопрос о „легализации“ марксизма был старым вопросом для русской публицистики. Еще Зибер в конце 70-х годов пытался разными ухищрениями проповедовать учение Маркса, с некоторых кафедр профессора пытались развивать экономические воззрения Маркса, но

¹⁾ Н. Ленин (В. Ульянов), Собр соч., т. V, стр. 128.

все это было катедер-марксизмом, чрезвычайно далеким от повседневной борьбы и уж никак не последовательного типа. В 80-х годах и речи быть не могло о каком-либо марксизме, и вдруг в послевоенные годы русские марксисты замечают некоторые цензурные лазейки, образовавшиеся по причинам, о которых выше говорил Ленин.

Слишком усилившееся народничество, захватившее почти безраздельно господство над всеми передовыми изданиями пугало правительство. Всякую критику народничества поэтому оно расценивало, как противоядие. Оно только не соображало, что есть противоядие, которое возвращает к жизни. Так оно и случилось в данном случае—марксизм не только возвратил жизнь революционному движению, но и сделал его непобедимым.

Марксисты энергично воспользовались намтившимися возможностями. Струве издал в 1894 году свою книгу „Критические заметки“, направленную против народничества. Тем временем петербургским марксистам стало известно, что Плеханов пишет книгу против народников. Осенью Потресов поехал за границу с целью убедить Плеханова издать свою книгу в России легально. В письме, адресованном Д. Б. Рязанову, Потресов рассказывает об этой своей поездке подробные сведения: „В начале сентября (ст. ст.) 1894 г. я отправился из Петербурга за границу, чтобы убедить Плеханова начать пользоваться, наконец, орудием легальной печати, благо к этому времени уже успела выйти книжка П. Струве „Критич. заметки“ (в конце авг. 1894 г.), и имя Маркса как-никак перестало быть запретным для цензуры и на него уже можно было ссылаться не только для того, чтобы поносить „марксистов“. Я знал Плеханова по своим встречам с ним в 1892 ¹⁾ и 1893 г.г. и прямо, нигде не останавливаясь в пути,

1) К этому времени относится как раз первый исключительно нелепый случай с ним, когда его, по настоянию царского правительства, выслали из Швейцарии. К крайней нужде, и без того угнетавшей его, было присоединено и это изгнание, которое делало баснословно тяжелым положение как его, так и его семьи, и только исключительная забота друзей и энергия Р. М. Боград (жены Г. В.) облегчили несколько положение. Поселился он в пограничной области во Франции, в Савойской глухой деревушке Морне, где его и встретил Потресов. В своих воспоминаниях последний описывает его крайне бодрим. „Еще молодой, полный бодрости, неистощимого остроумия, сверкающий, переливающий всей радугой знания, без малейшей тени растерянного, упалочного уныния, тогда столь свойственного многим, и без малейшей тени склонности вечно воображать России накануне событий, размалевывая себе декорации еще пока не существующего движения“. Слова Потресова передают облик Плеханова несомненно правильно, как совершенно правдивен и его рассказ о том, сколь разносторонни были интересы и запросы Плеханова. „Он жил одновременно и всеми запросами европейской культуры, на уровне европейской умственной жизни—ее философии, эстетики, политики, экономики и всеми деталями русской общественности“.

направился теперь к нему, надеясь застать его в его обычном месте-пребывании, во французской деревушке близ Женевы. В Женеве я узнал, однако, от жены его Розалии Марковны, что Плеханов выслан из французской Савойи (что было одно из косвенных последствий франко-русского альянса) и, не имея права жительства в Женеве, уехал в Лондон, где и пишет большую работу. Получив его лондонский адрес, я двинулся к нему и, найдя его, был чрезвычайно обрадован тем, что не встретил никакого сопротивления своему предложению: печатать то, что он пишет, не в Женеве нелегально, а легально в Петербурге. Плеханов очень скоро освоился с этой мыслью и даже увлекся ею и предстоящей ему задачей пролезть сквозь „цензурное ухо“. Часть книги была готова, другую он написал при Потресове. В первой половине октября я вернулся в Петербург и тотчас же сдал рукопись в типографию Скороходова. Последние главы Бельтова были досланы Плехановым мне по моему петербургскому адресу. Замечу кстати, что ни малейшего цензурирования текста с моей стороны не было и пошло в печать буквально то, что было дано Плехановым. Книга поступила в продажу 29 декабря и была распродана меньше, чем в три недели¹⁾. Какая баснословная удача выпала на долю книги Г. В. Плеханова—общезвестно. Название книги—столь неуклюжес—стало исключительно популярным, а самое главное—быстро стало известно в революционных кругах имя автора, чем для революционной молодежи книга Бельтова приобретала значение не только блестящей теоретической работы, но и революционного манифеста, доказательством приближения момента выхода из состояния кружковщины, выхода движения на широкую дорогу партии.

Появление книги Плеханова было настоящим блестящим победоносным триумфом марксизма.

Мартов рассказывает об этом следующее: „В начале 1895 г. мы, как и все русские марксисты, были радостно взволнованы появлением плехановского „Монистического взгляда на историю“. Это было настоящим сюрпризом для нас. В один прекрасный день я получил под бандеролью экземпляр „Развития монистического взгляда“ Н. Бельтова. Я стал перелистывать книгу, которая захватила меня с первых страниц. Прочитав первую главу, я не сомневался. Автором книги мог быть только Плеханов. Ближайшие дни мы все были заняты чтением и обсуждением книги. Вернув нас в мир теоретических интересов, от которых нас отрывала повседневная практическая работа, и освежив нас умственно, она в то же время дала сильный

---

1) Г. В. Плеханов, Сочин., том VII, стр. 8-9.

толчек работе нашей мысли в направлении политических задач. Чувствовалось, как марксизм, выходя, как теоретическое учение, так уверенно и победоносно на арену легальной общественной жизни, не может, как политическая партия, долго замыкаться в рамках кружковщины¹⁾. В воспоминаниях П. Н. Лепешинского можно найти прекрасное описание того, какое впечатление производила книга на народовольческую молодежь. В ответ на книгу Бельтова посыпался град возражений со стороны народников.

Если книга Струве поставила вопрос о судьбах капитализма, то книга Бельтова фактически открыла дискуссию вокруг вопросов социологических и философских, она поставила на очередь вопросы мировоззрения—в этом было огромное освобождающее значение „Монистического взгляда“. За этими двумя книгами последовали статьи В. Ильина (Ленина), самого Плеханова, Потресова и др. Началась эпоха господства марксизма. Параллельно с указанными книгами, сожженным цензурой сборником „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития“ и „Обоснованием народничества“ марксисты приступили к изданию периодических органов. Первая подобная попытка была сделана в Самаре („Самарский Вестник“—1896—1897), а затем и в столице, где один за другим следовали „Научное Обозрение“ (перешедшее к марксистам с 1897 г.), „Новое Слово“ (март 1897—декабрь 1897 г.), „Начало“ (1899—всего четыре книги).

Но это уже было начало нового столетия, когда легальный марксизм уже изжил себя и должен был уступить место революционной соц.-демократии.

8.

Переходя к экономизму и борьбе с ним группы „Осв. Тр.“, нам следует отметить, что об одном из будущих вождей экономизма Плеханов еще в эпоху „второй“ оппозиции высказал крайне суровое, но по существу вполне оправдавшееся суждение: „Кричевский принадлежит к тому типу талмудистов новейшего социализма, которые умеют схватить его букву, но не дух. Он представляет нечто вроде „истинного“ социалиста, возмущающегося против всего, что хотя бы сколько-нибудь противоречит формулам, запечатлевшимся в его памяти“²⁾. Эту характеристику и то обстоятельство, что с одним из будущих вождей экономизма он сражался с начала девяностых годов, следует подчеркнуть, ибо оно, по-нашему, указывает на то,

1) Ю. Мартов, Записки социал-демократа, стр. 243.

2) „Под Знаменем Марксизма“ № 11—12 за 1923 г., стр. 16.

что жестоко ошибаются те, кто думают видеть в экономизме ограждение движения полукрестьянских масс в эпоху подъема стихийно-экономической борьбы. Не так просто обстояло дело. Как увидим, экономизм с самого же начала носил в себе зародыш европейского оппортунизма, который давал себе чувствовать в Кричевском еще в эпоху второй оппозиции.

В то время как Тышко ушел в польское движение и тем самым избавился от постоянной борьбы с группой „Осв. Тр.“, борьбы, которая не могла под конец не привести к оппортунизму, поскольку к тому располагало пренебрежение к вопросам теории,—Кричевский остался в русском движении, возглавляя группу, оппозиционную Плеханову, и постепенно собирая вокруг себя всю недовольную и оппортунистическую публику, которая имела в эмиграции и прибывала из России. А число таких недовольных и оппортунистов увеличивалось с ростом уклона крупных российских организаций на путь экономизма. Когда в 1898 г. в ноябре Союз русских соц.-дем. созвал съезд,—первый съезд более или менее реформированного союза,—то оказалось, что группа „Осв. Тр.“ на съезде в меньшинстве. О чем шел спор? Старые, наполовину личные столкновения уступили место уже принципиальным разногласиям.

Какие были основания для принципиального расхождения? На этот вопрос подробный ответ мы дадим ниже, при рассмотрении вопроса об экономизме; социальные корни экономизма, как оппортунистического течения в рабочем движении, глубокие, и разумеется не в заграничной групповой склоке следует искать их. Но ведь и самая „склока“ не была явлением случайным. Она более или менее искаженно отражала известный, уже народившийся, процесс в самой действительности. Более того, группа „Освоб. Тр.“ прекрасно знала о существовании экономизма в стране еще в 1896 году, т.-е. значительно ранее того, как заграничная „оппозиция“ подхватила его; группа не без тревоги смотрела на возникновение этого нового явления, чреватого большими несчастьями для молодого движения. Отвечая „старому народовольцу“ („Новый поход“), Плеханов не скрывает эту свою тревогу. „Старый народоволец“ ставит в упрек Плеханову „две брошюры молодых марксистов“, которые говорят об агитации, которые, по его мнению, показывают, что молодежь „уже отказалась присутствовать в качестве зрителя при „капиталистической эволюции“, уже находит недостаточным те способы „развития классового самосознания“... которые ей рекомендуют учителя“. Намек был ясный, разрыв между учителями и молодым поколением, выросшим в стране—явление, разумеется, чрезвычайно опасное. Вразумляя „старому народовольцу“, что учителя не только не были против „аги-

тации“, но и сами предвидели необходимость перехода к ней при наличии определенных условий, Плеханов пишет, что такие условия в России наступили, рабочее движение выросло, стало необходимо вести соц.-дем. агитацию: „О ней говорили в соц.-демократических кружках, о ней стали писать брошюры, при чем и тут некоторые ударились в крайность и стали чуть не с нетерпением говорить о пропаганде. Все это совершенно понятно и неизбежно. Все это составляет, несомненно, знамение времени“¹⁾. Тогда еще из тех двух брошюр вряд ли можно было сделать много выводов о характере предстоявшей экономической „реакции“, но и то, что я выше привел, показывает, что группа „Осв. Тр.“ гораздо ранее оппозиции заметила новое явление и увидела возможность неправильных уклонов. Но тут же он выражает еще надежду, что вследствие того, что агитатор и агитируемые непрерывно будут сталкиваться с полицейским государством—результатом перехода от пропаганды к агитации может быть лишь ничем не заменимая школа политического воспитания. Такова была точка зрения Плеханова в 1896 г.

Не так думала оппозиция. Она опиралась как раз на те крайности, которые с тревогой отмечал Плеханов.

Опираясь на доводы, почерпнутые из бернштейнианских источников, большинство заграничной оппозиции, вдохновляемое фактически Кричевским, защищало „экономические“ тенденции тех местных комитетов, которые к тому времени открыто высказали свою точку зрения. Группа же—со своим требованием усилить политический элемент в деятельности партии, требованием публичных выступлений с лозунгом долой самодержавие—осталась в меньшинстве; при таких условиях продолжать редактировать издания Союза—означало взять на себя ответственность за издания экономического направления, поэтому группа отказалась от дальнейшего редактирования изданий союза.

До того Кричевский не был членом Союза, хотя принимал немалое участие в организации оппозиции.

На этом съезде приняли его и Теплова в Союз, превратили „Листок Работника“ в „Рабочее Дело“ и избрали редакцию в составе Кричевского, Иваньшина и Теплова.

Атмосфера в организации после съезда стала исключительно напряженной. Группа искала случая выступить с уничтожающей критикой, а союзники усиленно наговаривали на членов группы, называя их мелочными людьми, обвиняли их в дрызгах и личных интри-

¹⁾ Сочин., т. IX, стр. 317 (курсив мой. В. В.).

гах. Но вплоть до 1900 г. такого яркого материала, которого они искали, достать невозможно было, а опираться на статьи „Рабочего Дела“, которое держалось двусмысленной недоговоренности, было трудно.

Группу вывело из очень затруднительного положения „Credo“ Кусковой с „протестом“ Ленина и письма Г. (Капельзон). Получив эти материалы, Плеханов составил „Vademecum для ред. Рабоч. Дела“, который снабдил блестящим предисловием, где разбирал документы и доказывал с исключительной убедительностью не только наличие оппортунизма у авторов документов (что не признавала ред. „Рабоч. Дела“), но и немалую причастность самой редакции к этому греху.

„Vademecum“ не предвещал ни в какой мере наступление мира, а ответная брошюра редакции: „Ответ ред. „Рабоч. Дела“ на письмо П. Аксельрода и Vademecum Плеханова“—прямо указала на то, что ближайший же съезд Союза не может не вызвать раскол. О самом съезде имеется подробный рассказ Ю. М. Стеклова, в общем правильно передающий картину того, что произошло на этом удивительном „съезде“, закончившемся рукопашной между правой и левой (или одним из левых) его частей. Плеханов ушел с этого съезда, в подавляющем большинстве состоявшего из экономистов (Кричевский, Акимов, Иваньшин, Теплов, Тахтарев, Якубова, Лохов, Бухгольц и др.) и организовал „Революционную организацию Социал-Демократ“. Это было в апреле 1900 г.

Плеханов был спокоен, ибо знал хорошо, что в недалеком будущем приедут его несомненные сторонники, авторы протеста против Credo—Ленин, Мартов, а также Потресов. То, что он эту группу распознал по ее литературным манифестам, делает ему великую честь, разумеется.

Но экономисты непрестанно интриговали, письмами и через посылаемых людей распространяли самые дикие слухи среди местных товарищей насчет характера дискуссии, ведомой группой, насчет Плеханова, в частности насчет его „Vademecum'a“.

Когда Ленин приехал в Россию, он был, повидимому, засыпан такими сплетнями. Побыв некоторое время за границей и познакомившись с литературой, он писал Н. К. Крупской: „Совершенно неверное представление о „Vademecum'e“ господствует в России под влиянием рассказней сторонников „Раб. Дела“. Послушать их—это сплошной натиск на личности и т. п., сплошное генеральство и раздувание пустяков из-за оплевывания личностей, сплошное употребление недопустимых приемов.

Далее Ленин констатирует принципиальный характер полемики

группы с Союзом и характеризует борьбу Плеханова как „воплъ против стыда и позора“... „Если принципиальный раскол соединялся с такой „дракой“ (на IV съезде Загр. Союза Русск. С.-Д. дело доходило буквально до драки, до истерики и пр. и пр., что и вызвало уход Плеханова)—если это вышло так, то вина в этом падает на молодых. Именно с точки зрения экономизма вели молодые систематическую, упорную и нечестную борьбу против гр. „Осв. Тр.“ в течение 1898 г. „Нечестную“ потому, что они не выставили открыто своего знамени, что они буквально вваливали все на „Россию“ (замалчивая анти-„экономическую“ соц.-дем. в России), что они пользовались своими связями и всеми материальными ресурсами для того, чтобы отругать гр. „Осв. Тр.“, для того, чтобы ее нежелание пропускать „позорные“ идеи и позорное недомыслие объявлять нежеланием пропускать всякие „молодые силы“ вообще. Эта борьба против гр. „Осв. Тр.“, это отрицание ее велось втихомолку, под сурдинкой, „частным“ образом, посредством „частных“ писем и „частных“ разговоров — говоря просто и прямо: посредством интриг“... „Но тут на помощь к лицам „экономического“ направления пришли люди, которых соединяла с этими экономистами страшная вражда к гр. „Осв. Тр.“¹⁾. Это прекрасно сказано. Именно „нечестными“ средствами вели борьбу экономисты, и именно эти люди со „страшной враждой“ к группе руководили борьбой против ортодоксии.

Но Ленин и Потресов приехали в Швейцарию в 1900 г. в конце лета и тем самым вопрос об экономистах отходил сам собой для Плеханова в сторону.

Ленин и Потресов приехали с намерением предпринять совместно со „стариками“ издание журнала, а если возможно и газеты. С целью договориться об условиях работы была устроена конференция группы с приехавшими.

Однако было-бы очень большой наивностью полагать, что в этой до предела напряженной атмосфере можно было спокойно и доверчиво говорить.

С самого же начала встречи с Лениным Плеханов был крайне мнителен и подозревал новую группу если не в симпатиях к экономизму, то в иных не менее с его точки зрения смертных оппортунистических грехах. Он нервничал еще до того, как приехал Ленин, во время предварительных переговоров с Потресовым. Обстоятельства и подробности переговоров на „съезде“ изложены тов. Лениным самим в заметке „О том, как чуть не потухла Искра“.

Необходимо остановиться на этом съезде больше, чем мы делали

¹⁾ Ленинский сборник № 1.

до сего с другими моментами истории группы „Осв. Гр.“, вследствие особенного интереса его; на этом съезде складывались основы революционной тактики в России. Несмотря на чрезвычайный субъективизм упомянутых записей В. И. Ленина, они до того хорошо отражают борьбу на этом съезде, что мы можем теперь ясно восстановить ее общую картину.

Ленин приехал в Цюрих к Аксельроду, который его принял „с распростертыми объятиями“. Это и понятно. Для Аксельрода Ленин был не только автор ряда блестящих легальных статей и книг—он был автор брошюры „Задачи русских с.-д.“ и протеста против „Credo“,—обстоятельство, которое имело огромное значение в этой атмосфере страстной борьбы.

Вл. И. Ленин приехал в Цюрих с уже сложившимся мнением о группе „Осв. Гр.“ и не особенно добрым мнением о миролюбии Плеханова. Во всяком случае, он уже в разговоре с Аксельродом делает замечание, что „заметно было, что он тянет сторону Г. В.*“, и это он видел в том, что Аксельрод настаивал на устройстве типографии в Женеве. На это следует обратить внимание, ибо оно показывает, что наговоры экономистов в России уже заранее создали у работников в России, даже таких как Ленин, крайне невыгодное представление о членах группы и особенно о Плеханове и о его „диктаторстве“. Естественно, когда Аксельрод говорил о Женеве, Ленин считал это за проявление желания подчинить все этой опасной диктатуре. „Вообще же Павел Борисович очень „льстил“ (извиняюсь за выражение), говорил, что для них все связано с нашим предприятием, что это для них возрождение, что „мы“ теперь получим возможность и против крайностей Георгия Валентиновича спорить—это последнее я особенно заметил, да и вся последующая „история“ показала, что это особенно замечательные слова были“¹⁾. Тот факт, что Ленин принимает слова Аксельрода за лесть, показывает, как он неверно себе представлял подлинное положение дел за границей. Для него группа была безусловно права в споре с оппортунизмом, а члены группы и особенно Плеханов казались ему столь сильны и авторитетны, что их предприятие не могло быть никак рассматриваемо единственным спасительным исходом для позиции группы.

А ведь фактически дело так именно и обстояло: Аксельрод ничуть не преувеличивал.

При создавшихся в эмиграции условиях группа исчерпала все возможности борьбы с экономистами и в случае неудачи с предприятием Ленина ей ничего не оставалось бы делать, как передать всю

¹⁾ Ленинский сборник № 1: „Как чуть не потухла Искра“.

практику экономистам, а самим заняться высокой теорией; они остались бы оторванной группой литераторов—не более, в то время как Ленин с его „предприятием“ для них был могучей поддержкой „практики“, людей дела, они воплощали живое движение, действующую партию.

И, несмотря на это, съезд прошел крайне нервно. Причиной тому не только предубеждение Ленина, не только неискренность Потресова (что совершенно ясно из рассказа Ленина)—причиной тому была та исключительная подозрительность, которая выработалась у Плеханова в процессе непрерывной склочной борьбы с экономистами. В. И. Ленин рассказывает: „Приезжаю в Женеву. Арсеньев (А. Н. Потресов) предупреждает, что надо быть очень осторожным с Георгием Валентиновичем, который страшно возбужден расколом и подозрителен. Беседы с этим последним действительно сразу показали, что он действительно подозрителен, мнителен и *rechthaberisch* до *pes plusultra*. Я старался соблюдать осторожность, обходя „больные“ пункты, но это постоянное держание себя настороже не могло, конечно, не отражаться крайне тяжело на настроении. От времени до времени бывали и маленькие „трения“ ввиду пылких реплик Георгия Валентиновича на всякое замечаньице, способное хоть немного охладить или утишить разожженные расколом страсти“¹⁾.

Особенно эти „замечаньица“! Плеханов не мог выносить не только прямых примиренческих половинчатостей, но и простых упоминаний о возможной мягкости по отношению к экономистам, в то время как Ленин и Потресов были настроены более мирно, во всяком случае не столь резко. Объяснить это очень не трудно. Плеханов вел борьбу уже четвертый год, ему был совершенно ясен оппортунизм экономистов, и чем меньше были шансы на возможность скорой организации партии революционной с.-д., способной отвергнуть решительно экономический оппортунизм, тем решительней и непримиримей были его отношения ко всяким, хотя и малым, хотя бы кажущимся уклонениям от ортодоксии, незначительным послаблениям ревизионистам всяких толков. Это было неизбежно, это было разумно и необходимо.

Мы не хотим оправдать тон разговоров Плеханова: он был недопустимо запальчив, мы хотим только подчеркнуть законность занятой им позиции: она была безупречна.

Как представлял себе задачу и характер „предприятия“—т.-е. того периодического издания, которое было предположено к изданию—Ле-

---

1) Ленинский сборник № 1: „Как чуть не потухла Искра.“

нин и как отнесся к его предположениям Плеханов, рассказывает нам сам Ленин: „У нас был проект редакционного заявления („От редакции“), в коем говорилось о задачах в программе изданий: написано оно было в „оппортунистическом“ (с точки зрения Георгия Валентиновича) духе: допускалась полемика между сотрудниками, тои был скромный, делалась оговорка насчет возможности мирного окончания спора с „экономистами“ и т. п. Подчеркивались в заявлении и наша принадлежность к партии, и желание работать над ее объединением. Георгий Валентинович прочел это заявление, когда меня еще не было, вместе с Арсеньевым и Верой Ивановной Засулич, прочел и ничего не возразил по существу. Он выразил только желание исправить слог, приподнять его, оставив весь ход мысли. Для этой цели А. Н. и оставил у него заявление. Когда я приехал, Георгий Валентинович не сказал мне об этом ни слова, а через несколько дней, когда я был у него, передал мне заявление обратно—вот мол, при свидетелях, в целости передалю, не потерял. Я спрашиваю, почему он не произвел в нем намеченных изменений. Он отговаривается: это же можно и потом, это недолго, сейчас не стоит. Я взял заявление, исправил его сам (это был черновик, еще в России набросанный) и второй раз (при Вере Ивановне) прочитал его Георгию Валентиновичу, при чем я уже прямо попросил его взять эту вещь и исправить ее. Он опять отговорился, свалив эту работу на сидевшую рядом Веру Ивановну, что было совсем странно, ибо Веру Ивановну об этом мы не просили, да и не смогла бы она исправить, „приподнимая“ тон и придавая заявлению характер манифеста“¹⁾. Отношение, само собой разумеется, не похвальное,—однако совершенно ясно, что Плеханов был крайне недоволен заявлением за его уступчивость, за его примиренчество, о чем далес сам Ленин говорит.

Все конфликты, которые в таком изобилии следовали один за другим на этом „съезде“, явились следствием одного обстоятельства—чрезвычайной нетерпимости Плеханова по отношению не только к своим врагам, но даже и таким друзьям, как Каутский. В. И. Ленин рассказывает: „Я не помню уже точно, о чем говорили в этот день, но вечером, когда мы шли все вместе, разгорелся новый конфликт. Георгий Валентинович говорил, что надо заказать одному лицу (Л. И. Аксельрод) статью на философскую тему, и вот Георг. Валент. говорит: „Я ему посоветую начать статью замечанием против Каутского—хорош де гусь, который уже „критиком“ сделался, пропускает в „Neue Zeit“ философские статьи „критиков“ и не дает полного

¹⁾ Ленинский сборник № 1: „Как чуть не потухла Искра“.

простора „марксистам“ (сиречь Плеханову). Услышав о проекте и такой резкой выходке против Каутского (приглашенного уже в содружники журнала), Арс. возмутился и горячо восстал против этого, находя это неуместным. Георг. Валент. надулся и озлобился, я присоединился к Арсеньеву, Павел Борисович и Вера Ивановна молчали. Через полчаса Георг. Валент. уехал (мы шли его провожать на пароход), при чем последнее время он сидел молча, чернее тучи. Когда он ушел, у нас у всех сразу стало как-то легче на душе и пошла беседа „по хорошему“ ¹⁾. Положение Плеханова было крайне тяжелое, поэтому он и „озлобился“. Он надеялся, наконец, в этом предприятии развернуть как следует полемику с ревизионизмом, а выяснилось постепенно из разговоров (крайне неровных), что и тут он вынужден будет считаться с целым рядом помех. В Потресове говорил глубокий провинциал, который думал видеть в каждом европейском авторитете недостижимое, но Плеханов знал уже всю „каучуковую“ природу Каутского и ближайший конгресс в Париже, где Каутский держал себя так неотчетливо, показал, что на страницах органа революционной с.-д. сделать товарищеское напоминание было бы очень полезно и к стати.

Но переговоры не клеились, потому что обе группы по разному представляли себе дело и при этом вместо того, чтобы прямо, по деловому выложить свои планы, они шли на долгие окольные разговоры, которые ни к чему, кроме разлада, привести не могли.

Ленин приехал за границу с безусловно рациональным планом „предприятия“. „Почему нас так возмутила идея полного господства Плеханова (независимо от формы его господства)? Раньше мы всегда думали так: редакторами будем мы, а они—ближайшими участниками. Я предлагал так формально и ставить с самого начала (еще в России). Арс. предлагал не ставить формально, а действовать лучше „по хорошему“ (что сойдет де на то же),—я соглашался. Но оба мы были согласны, что редакторами должны быть мы как потому, что „старики“ крайне нетерпимы, так и потому, что они не смогут аккуратно вести черную и тяжелую редакторскую работу: только эти соображения и решили для нас это, идейное же их руководство мы вполне охотно признавали. Разговоры мои в Женеве с ближайшими товарищами и сторонниками Плеханова (из молодых): члены группы „С.-Д.“, старинные сторонники Плеханова, работники, не рабочие, а работники, простые, деловые люди, всецело преданные Плеханову, разговоры эти вполне укрепили меня (и Арсеньева) в мысли, что именно так мы должны ставить дело: эти сторонники сами заявили нам, без обиняков, что редакция желательна в Германии, ибо это

¹⁾ Там же.

сделает нас независимее от Георг. Валент., что если старики будут держать в руках фактическую редакторскую работу, это будет равносильно страшным проволочкам, а то и провалу дела. И Арс. по тем же соображениям стоял безусловно за Германию¹⁾. Так об этом открыто и нужно было говорить. А вместо этого начинается „ухаживание“ за стариками, которое не могло не создать такое впечатление у Плеханова, будто у молодых только благие пожелания и энергия, а идейные вожжи должны быть в крепких руках.

Какую бурю должно было вызвать в „молодых“ такое поведение Плеханова—легко себе представить. Несколько страниц в статье Ленина, посвященных этому состоянию, являются настоящей исповедью человека, разочаровавшегося в предмете любви.

Когда на последний день „съезда“ молодые заявили о невозможности ведения дела в такой атмосфере „ультиматумов“, разыгралась маленькая сцена, с нашей точки зрения, неправильно истолкованная Лениным.

Придя к Плеханову, Потресов говорит сухо, сдержанно и кратко, „что мы отчаялись в возможности вести дело при таких отношениях, как и е определились вчера, что решили уехать в Россию посоветоваться с тамошними товарищами, ибо на себя уже не берем решения, что от журнала приходится пока отказаться. Плеханов очень спокоен, сдержан, очевидно вполне и безусловно владеет собой, ни следа нервности Павла Борисовича или Веры Ивановны (бывал и не в таких передрыгах! думаем мы, сō злостью глядя на него). Он допрашивает, в чем же собственно дело? „Мы находимся в атмосфере ультиматумов“,—говорит Арс., и развивает несколько эту мысль.—Что же вы боялись, что ли, что я после первого номера стачку вам устрою перед вторым?—спрашивает Плеханов, наседа на нас. Он думал, что мы этого не решимся сказать. Но я тоже холодно и спокойно отвечаю. Отличается ли это от того, что сказал А. Н.? Ведь, он это самое и сказал. Плеханова, видимо, немного коробит. Он не ожидал такого тона, такой сухости и прямоты обвинения.—Ну, решили ехать, так что ж тут толковать,—говорит он,—мне тут нечего сказать, мое положение очень странное: у вас все впечатления, да впечатления, больше ничего: получились у вас такие впечатления, что я дурной человек. Ну, что ж я могу с этим поделаться?—Наша вина может быть в том,—говорю я, желая отвести беседу от этой „невозможной“ темы,—что мы чересчур размахнулись, не разведав брода.—Нет, уж если говорить откровенно,—отвечает Плеханов,—ваша вина в том, что вы (может быть, в том сказалась и нервность Арс.) придали чрезмерное значение таким впечатлениям, которым

1) Ленинский сборник № 1: „Как чуть не потухла Искра“.

придавать значение вовсе не следовало. Мы молчим, и затем говорим, что вот, де, брошюрами можно пока ограничиться. Плеханов сердится:—Я о брошюрах не думал и не думаю. На меня не рассчитывайте. Если вы уезжаете, то я ведь сидеть сложа руки не стану и могу вступить до вашего возвращения в иное предприятие“¹⁾. Этот разговор вызывает у Ленина возмущение, он видит в этом угрозу со стороны Плеханова с целью примирить их со своим господством. Это неверное толкование и является, несомненно, результатом крайне нервной атмосферы, в которой даже невинные слова приобретают особый смысл.

Разве Плеханов был не прав? Если все предприятие должно сводиться к издательству брошюр, то чем же это лучше того, что было до этого? Он спокойно мог продолжать, следовательно, старую лямку, пока не станет возможным предпринять что-либо более актуальное и действенное, чем издательство брошюр. Между этим его заявлением и последовавшим затем Ленин напрасно ищет противоречий. „И вот, увидав, что угроза не действует, Плеханов пробует другой маневр. Как же не назвать в самом деле маневром, когда он стал через несколько минут тут же говорить о том, что разрыв с нами равносильен для него полному отказу от политической деятельности, что он отказывается от нее и уйдет в научную, чисто-научную литературу, ибо если де он уж с нами не может работать, то, значит, ни с кем не может... Не действует запугивание, так, может быть, поможет лесть... Но после запугивания это могло произвести только отталкивающее впечатление... Разговор был короткий, дело не клеилось; Плеханов перевел, видя это, беседу на жестокость русских в Китае, но говорил почти что он один, и мы вскоре разошлись“¹⁾.

Предубежденный предыдущими конфликтами, Ленин был несправедлив к Плеханову. Не лесть, а горькая правда звучала в словах его.

На самом деле, что ему оставалось после неудачи с „Искрой“ делать, как не политическое бездействие? как не занятия по социологии и философии?

Конференция так и окончилась бы неудачей, если бы Потресову не пришло на ум порешить вопрос компромиссом. Последняя беседа с Плехановым передана Лениным подробно, и по записям В. И. видно, что в этих разговорах были заложены зерна будущих трений внутри редакции. „Приезжаем в Женеву и ведем последнюю беседу с Плехановым. Он берет такой тон, будто вышло лишь печальное недоразумение на почве нервности: участливо спрашивает Арс. о его

¹⁾ Ленинский сборник № 1: „Как чуть не потухла Искра“.

здоровье и почти обнимает его—тот чуть не отскакивает. Плеханов соглашается на сборник: мы говорим, что по вопросу об организации редакторского дела возможны три комбинации (1. мы—редакторы, он—сотрудник; 2. мы все—соредакторы; 3. он—редактор, мы—сотрудники), что мы обсудим в России все эти три комбинации, выработаем проект и привезем сюда. Плеханов заявляет, что он решительно отказывается от третьей комбинации, решительно настаивает на исключении этой комбинации, на первые же обе комбинации соглашается. Так и порешили: пока, впредь до представления нами проекта нового редакторского режима, оставляем старый порядок: соредакторы все шесть, при чем два голоса у Плеханова¹⁾. Далее разговор ведется исключительно Лениным и обсуждают вопрос о том, где же скрыта причина разногласий. Я говорю о необходимости допускать полемику. О необходимости между нами голосований—Плеханов допускает последнее, но говорит: по частным вопросам, конечно, голосование, по основным невозможно. Я возражаю, что именно разграничение основных и частных вопросов будет не всегда легко, что именно (по вопросу) об этом разграничении необходимо будет голосовать между соредакторами. Плеханов упирается, говорит, что это уже дело совести, что различия между основными и частными вопросами, дело ясное, что тут голосовать нечего. Так на этом споре—допустимы ли голосования между соредакторами по вопросу об разграничении основных и частных вопросов—мы и застряли, не двигаясь ни шагу дальше. Плеханов проявил всю свою ловкость, весь блеск своих примеров, сравнений, шуток и цитат, невольно заставляющих смеяться, но этот вопрос так-таки и замаял, не сказав прямо: нет. У меня получилось убеждение, что он именно не мог уступить здесь, по этому пункту, не мог отказаться от своего „индивидуализма“ и от своих „ультиматумов“, ибо он по подобным вопросам не стал бы голосовать, а стал бы именно ставить ультиматумы¹⁾.

Ленин не ошибся. Именно это было больное место Плеханова, что делало тяжелым коллективную работу. Было величайшим достижением для конференции и то, что она приняла компромиссное решение Потресова: гораздо проще было по каждому отдельному случаю сговориться, чем установить по всем вопросам какой-либо единый уговор. Одно было твердо для Ленина, что для удачи дела была абсолютно необходима самостоятельность „предприятия“, убе-

---

¹⁾ Там же.

ждение, которое в нем должно было укрепиться особенно после разговоров с заграничными сторонниками Плеханова.

Ленин говорит, что в разговоре с ним эти молодые плехановцы „всецело высказывались за то, что старики решительно неспособны на редакторскую работу. Беседовал и о „3-х“ комбинациях и прямо спросил его: какая, по его мнению, всех лучше. Он прямо и не колеблясь ответил: первая (мы—редакторы, они—сотрудники), но да, вероятно, журнал будет Плеханова, газета—ваша. По мере того, как мы отходили дальше от происшедшей истории, мы стали относиться к ней спокойнее и приходило к убеждению, что дело бросать совсем не резон, что бояться нам взяться за редакторство (сборника) пока нечего, а взяться необходимо именно нам, ибо иначе нет абсолютно никакой возможности заставить правильно работать машину и не дать делу погибнуть от дезорганизаторских „качеств“ Плеханова“¹⁾.

Он спустя три дня после этого (5/IX) из Нюрнберга пишет X-у: „Мы представляем из себя самостоятельную литературную группу. Мы хотим остаться самостоятельными. Мы не считаем возможным вести дело без таких сил, как Плеханов и гр. „Осв. Тр.“, но отсюда никто не вправе заключить, что мы теряем хоть частицу нашей самостоятельности“²⁾.

В декабре появилось извещение об издании „Искры“, а в конце года—и первый номер ее.

Так зажглась та искра, которая должна была раздуться в могучее пламя.

Вернемся, однако, к нашему рассказу. По существу, с момента выхода „Искры“ роль группы „Осв. Тр.“ свелась к минимуму.

Ее роль, как хранительницы ортодоксии, все более становилась излишней, но распустить ее, объявить ее несуществующей не решались, ибо сама группа „Искры“ еще не чувствовала в себе достаточной силы и нуждалась в огромном авторитете группы.

„Искра“ с самого же начала взяла боевой тон против экономистов, против союза и его органа „Рабочее Дело“. Определенный, ярко ортодоксальный характер газеты не мог не сделать ее центром ожесточенных споров. Ближайшие же месяцы привели к образованию вокруг нее немалого круга сторонников, которые искали участия в жизни партии, в организационном строительстве; одни технические поручения их не удовлетворяли. Уже в апреле у Ленина возникла мысль организовать Лигу, которая позволила бы использовать силы примыкающей периферии для партийной организационной работы и

1) Ленинский сборник № 1: „Как чуть не потухла Искра“.

2) Ленинский сборник № 1.

тем дала бы возможность вылиться существовавшему недовольству в партийную форму. Члены группы „Осв. Тр.“ очень боялись нового объединения эмигрантов, которое могло быть только гнездом склоки и оппортунизма ¹⁾. Поэтому переговоры затягивались.

В процессе обсуждения этого проекта, в мае, группа „Борьба“ сделала попытку объединить заграничные организации. Мартов пишет Аксельроду: „С другом беседовали о планах „Лиги“, выработали примерный устав, который пошлем вам. Но только что мы кончили обсуждение этого дела, потребовавшего немало времени, как были огорошены письменным предложением парижской группы „Борьба“ (Невзоров и К-о), предлагающей себя в посредники для попытки „объединения“ с Союзом. Грозясь каким-то „самостоятельным предприятием“, от которого они откажутся лишь в случае объединения, они предлагают согласиться на конференцию из „С.-Д.“, „Союза“ и нас. Мы ответили, что ничего не имеем против конференции, но оговариваемся, что намерены продолжать полемику с „Рабочим Делом“ ²⁾. Друг—это Плеханов, который тогда приехал в Мюнхен на несколько дней по редакционным делам.

Конференция, предварительно созванная в июне 1901 г., состояла из представителей почти всех действующих эмигрантских организаций.

Состав ее Мартов определяет приблизительно следующий: Ю. Стеклов представлял группу „Борьба“, Кричевский—рабочедельцев, а Мартов—искровцев. Присутствовали еще—как предполагает тов. Ю. Стеклов—второй делегат от „Союза русских с.-д.“ Акимов, представитель „Бунда“ Коссовский, представитель „Революционной организации Социал-Демократ“ Кольцов и второй делегат от группы „Борьба“ Е. Смирнов. На конференции был принят единогласно проект общей платформы, за исключением пункта о терроре, выдвинутого экономистами ³⁾ и было постановлено созвать осенью съезд с целью объединения с.-д. сил.

„Объединительный“ съезд был созван летом 1901 г. Перед тем рабочедельцы имели свой собственный съезд. На этом съезде экономисты выработали ряд поправок к проекту объединительной платформы, которые не могли быть приняты и были явно сделаны с целью сорвать съезд.

---

¹⁾ Они оказались... правыми и на этот раз. „Лига“ после раскола действительно оказалась оппортунистической. Но и многие члены группы в том числе...

²⁾ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 30.

³⁾ Все документы и подробности приведены в статье тов. Ю. Стеклова — „Прол. Рев.“ № 5 за 1923 г.

Съезд был созван в августе ¹⁾. Объединение не состоялось. Рабочедельцы уже в это время сильно теряли кредит, а „Искра“ становилась центром собирания с.-д. сил в России и за границей.

После неудачи объединения гораздо успешней пошло дело организации „Лиги“, и к концу 1901 г. Лига уже была организована.

Дальше, вплоть до II съезда, группа „Осв. Тр.“ как организация не появлялась на сцене, не играла никакой роли; в деле собирания сил партии центром была „Искра“.

На второй съезд группа послала своими делегатами Г. В. Плеханова и Л. Г. Дейча.

После принятия съездом постановления о роспуске всяких групп—автоматически распустилась и группа „Осв. Тр.“, просуществовав ровно двадцать лет, в течение которых она крепко держала знамя ортодоксии и тем заслужила себе почетную ненависть врагов и оставила неизгладимую память по себе в истории революционной соц.-дем.

---

¹⁾ Подробности в той же статье Ю. Стеклова.